

Надежда

Чернова

БЕСПОЩАДНАЯ ПОВЕСТЬ

Ирина Кнорринг – «поэт изгнания», как сама она себя определяла, прожила короткую жизнь и вроде бы мало написала, по крайней мере, прижизненные и посмертные её сборники – это тоненькие книжки стихов. Но в семейном архиве И.Кнорринг хранятся рукописные объёмные тетради, плотно заполненные поэтическими строчками и названные «книгами». Таких тетрадей – шесть. Начаты записи в России, когда юной поэтессе было 8 лет, а большая часть написана в эмиграции. Поражает удивительная скромность автора этих тетрадей, сосредоточенность на себе и почти полное равнодушие к славе. А ведь Ирина Кнорринг довольно активно печаталась в эмигрантских изданиях, выпустила при жизни два поэтических сборника в Париже, общалась с известными литераторами, была, наконец, членом Союза русских писателей и поэтов во Франции, но о себе, как о поэте, думала критически: «Вот прошла я, подобная многим / (Так легко ведь идти за толпой)», «Когда я знаю, что не лучше / Таких же тысячи других...», «Мне смешно и не скучно жить / С длинным прозвищем – поэтесса!», «И прозвище надменное – поэт».

«Прозвище», а не звание! Может потому, что чувствовала она себя на чужбине человеком второго сорта («Я человек второго сорта»), оторванным от своего народа, от стихии родного языка, от Родины – вечной «беженкой», вынужденной ютиться у чужих порогов. И хотя сочинение стихов было её органической потребностью с раннего детства, хотя она то и дело признавалась: «И сердце гулко отбивает ямбы...», «А тиканье будильника порой / Совсем не ямб, а нервный амфибрахий...», «Я стала только рифмой мерить / Мои тоскующие дни», «Я люблю только крылья стихов», «Усиленным дактилем вяжут колёса / Какую-то страшную боль», «И жизнь меня несла поэмой плавной» и т.д., к стихам своим относилась она как к некой форме дневника, как к собеседнику в пронизанной холодом и одиночеством жизни. Друг-Дневник всегда выслушает, успокоит, поможет разобраться в запутанных хитросплетениях бытия, не предаст. Он всегда рядом. Всегда под рукой. Он – хранитель девичьих секретов, ночных фантазий и страхов – «окрылённых небылиц», бескорыстный, вечный спутник: «Здесь, на страницах заветной тетради / Горькие тайны лежат...». И ещё – стихотворный дневник стал её духовной родиной, где она могла говорить и думать по-русски.

Прозаический дневник тоже вёлся и как бы дополнял стихи. Только в прозе – фактический материал её жизни, а в стихах – эмоциональный. Отец поэтессы

Н.Н.Кнорринг сказал о «шести тетрадах» её стихов, что это «памятник раскрытия человеческой души».

Дневник в прозе назвала она «Повесть из собственной жизни», а поэтическую часть дневниковой летописи величала по-разному: «Мой друг безмолвный – синяя тетрадь», просто – «Синяя тетрадь» (может быть, переключаясь со строкой Анны Ахматовой: «Вот эта синяя тетрадь / С моими детскими стихами...»), «Заветная тетрадь», «Нити пёстрых стихов», «Сердце говорит», «На распутьях», «Мучительный час», «Силуэт души», «Беспощадные года», «Медные звенья стихов», «Томление по идеалу», «Ветер на песке», «Жизнь моя, забрызганная солнцем», «Я – только зритель», «Влюблённые стихи», «Рассказывая стихами...», «Золотые миры», «День за днём», «Дневник существования пустого», «Всё, что было», «Вечная даль», «В шелесте страниц», «Синий сон», «Когда душа цветёт», «Душа пополам», «Маятник сердца»...

Все эти строки из стихов могли бы стать названиями книг. Но самым, наверно, точным было бы это – «Беспощадная повесть». День за днём, «рассказывая стихами», писала Ирина Кнорринг повесть своей души («Душа – большая, путаная тайна, / Храм тихой нежности и чистоты»), не щадя себя, не заботясь о внешнем впечатлении, не подкрашивая свой облик:

Жизнь темна, и душа пуста.
– Может быть, я одна из ста
Говорю об этом открыто.

* * *

Мечты раскрашенной не надо,
Я правду свято берегу.

* * *

Только жалкой, измятой, униженной
Я найду золотые слова.

Именно это было для неё главным – пройдя сквозь житейские испытания, говорить правду «золотыми словами». И ещё – трепетное отношение к поэзии, к стихам.

Они отрадней, чем слова молитв.
Их повторять ведь то же, что молиться.

Перечитывая любимые страницы А.Блока или А.Ахматовой, признавалась – в юном, молитвенном экстазе:

Я, как Евангелие, страницы их
Целую с трепетом благоговенья.

И вот ещё:

Мы будем медленно читать стихи,
Ведь каждый, как умеет, славит Бога.

И она пыталась читать «В небе бесконечном и бездонном, / Полном вдохновенья и огня», ибо «В этом мире нет противоречий, / В таинственной гармонии Творца». Чистым трепетом перед миром небесным, поиском «золотых слов»

«Чтобы вечно струнами звучали / Жадные слова Богопознания!», она была всецело поглощена, мало думая о земном, в том числе и о литературной славе, которая всё же сопровождала её и на какое-то время освещала печальное бытие, заслоняла сомнения в значимости собственного таланта, но слава эта заканчивалась часто разочарованием, «отвращеньем к литературе, и в особенности к стихам...», которые не могут равняться жизни, не могут её пересилить, не могут и небу равняться – вдохновение смертных меркнет перед вдохновением небесного Творца:

Что прежде называла вдохновеньем,
 Что прежде было счастьем и мечтой,
 А после – тоже стало пустотой...

Может, ещё и поэтому отводила она себе скромную роль в литературе («Верно, мне не сделаться поэтом...»), что понимала: никогда не станет великой, поскольку никогда не разгадает тайну небесной гармонии. И как бы ни были чеканны её собственные строки (этим она иногда гордилась), стройность Божественной музыки ей не передать. Но она слышала её, музыка эта её волновала (у Ирины был безупречный музыкальный слух, она играла на пианино, и отец её был музыкантом-любителем).

Всё, что отвлекало от небесной гармонии, Ирину раздражало, особенно шумные хмельные вечера среди собратьев по перу, где было немало псевдопоэтов, или просто малоодарённых людей, но с большими претензиями. Для Ирины же слово Поэт всегда звучало с большой буквы. Звание Поэта было священным.

Я никому не читаю стихов,
 Я не срываю похвал.
 Я разлюбила угар вечеров,
 Душный, наполненный зал.
 Но никому – ни за что – никогда –
 Я не поведаю – нет,
 Чем для меня в те живые года
 Было названье – Поэт.

Ирина старалась держаться в тени, в стороне от всегда праздничного, праздного Монпарнаса, где в ночных кафе любили собираться молодые русские поэты Парижа: спорили, читали стихи, делили лавры первенства, доказывали маститым «старикам», таким как Бунин, Мережковский, или более близким к себе Ходасевичу и Адамовичу, что имеют право на звание поэтов, что именно они глашатаи нового времени. Ирину утомляла нездоровая атмосфера этих вечеров, где ждут «злого литературного анекдота», как возможности поглумиться над кем-то – просто так, от скуки, оттого, что потерпели катастрофу, выброшены на чужой берег, где никому не нужны. Она видела «На привычно-равнодушных лицах / Острой злобы плохо скрытый яд» – неизбежный яд соперничества, зависти, вранья, дешёвого театра, что присуще для любой богемы. Ирина сторонилась этого яда: «Как уйти от путей лукавых? Как увидеть нетленный свет?». Она берегла «храм чистой нежности и чистоты» – свою душу, чутко слушая, «как растёт могучий звук», как в сердце «звучит струна». В такие минуты она чувствовала: «Душа сильна: в ней блещет вечный свет». Она искала «то, что бессмертнее и выше

счастья», и только тогда «Слетают с языка / Неповторимые слова», только тогда «человеческой станет душа».

Слова слетали с языка, как высверк молнии:

Я не умею говорить слова,
Звучащие одними лишь словами.
Я говорю мгновенными стихами,
Когда в огне пылает голова.

Ирина была, по словам Н.Н.Кнорринга, «летописцем своих переживаний» и недаром первую книжку назвала «Стихи о себе».

«Больше всего я люблю себя и стихи», – признавалась она. Но это была не эгоистическая любовь, не примитивное самолюбование. Этого как раз у неё никогда не было. «Люблю себя» – люблю тот свет в себе, который называют Богом. В каждого из нас Он вдыхает жизнь, и значит, частицу своего дыхания, частицу себя. Именно это любила в себе Ирина.

Душа моя растёт,
Как стон морей, как ширь степей...
Растёт, цветёт, поёт и ждёт,
И ждёт грядущих дней...

Стихи свои, где открывалась её душа, считала она «Богопознанием», потому они были для неё чем-то сокровенным, тайным, как тайны все исповеди, когда человек предельно искренен, когда он открывается до самых стыдных глубин.

Она со страхом представляла, доверяя свои поэтические откровения только мужу, что «когда-нибудь кто-то третий» прочтает её стихи: «Тайник души мне грустно раскрывать», потому что «Почти всегда бывает больно, / Когда раскроется душа», и всегда тщательно отбирала она стихи для книг и публикаций. И когда впервые увидела «свои слова», напечатанные в парижском журнале, была не столько рада, сколько опечалена:

Я первый раз прочла свои слова
И ощутила горькую утрату:
Зачем, зачем другим я отдала,
Что мне одной лишь надо?

И потом, когда уже стала постоянно печататься, не избавилась от горечи утраты, от чувства греха:

И отвозить покорно и упорно
Своих любимейших и неповторных,
Литературных маленьких детей
На кладбище «Последних Новостей».

«Требовательная строгость к себе», – говорил о ней Георгий Иванов и считал настоящим поэтом, чьи стихи отмечены «неподдельной, благоуханной поэзией», далёкой от богемной суеты.

Она никогда не умела устраивать свои стихи.

Писать стихи и прятать под замок.
Упрямо думать и молчать годами...

И печаль неотвратима
Перед вечностью молчит.

Но в этом молчании, наедине со своей тетрадкой и вечностью, чувствовала она себя счастливой: «О, в этой тихой, безысходной роли / Какая лёгкость и какая грусть!», «Молчу. Но сердце говорит». Она и «молчала» стихами.

Ей повезло: устройством её рукописей занимался обычно её отец, он же позаботился и о сохранении памяти о дочери. Жил из последних сил, пока не увидел её книжку, изданную на родине. Книжка вышла в Алма-Ате в 1967 году – Николай Николаевич Кнорринг умер в 1968-м, немного не дотянув до девяноста лет.

Стихи её – это подвиг самопознания, упорное, трудное строительство внутреннего мира. Она писала, духовно созревая, вырастая, страдая, впадая в безверие, отчаяние, смертную тоску, но и возносясь к надежде, к ликованию жизни, подмечая любой малейший сдвиг в своём пути к себе истинной, к Богу, к любви.

Путь был тернистым, полным отречений, душевных метаний, ценою в жизнь. И ещё – это было критическое наблюдение за собой – внешней, над своим двойником, о котором она то и дело упоминает и который ей не нравится. Двойник – двуличен, невзрачен, в бедном замызганном платье, измучен бытом, вечно ноет и всех удручает своей тоской, он неизлечимо болен, он никчѐмен, жизнь его бесцельна и пуста. И двойник этот не совпадал с ней настоящей – внутренней, которая видела «золотые миры» и создавала их сама («Мы в пламенном воображенье / Плетѐм золотые миры»). «Золотые миры» поэтессы были истинной жизнью, а остальное бытиѐ – ложь, мираж, чужие сны.

Я только для одной себя жила,
И для себя созвучья рифм сплетала!
Я сделала, быть может, много зла,
А добрых дел моих так мало.
Я до конца сама себе лгала,
Быть может, с самого начала.

Чтоб начертать один звенящий стих,
Я вырву душу, сделаюсь Иудой,
Предам себя, но и предам других,
Но будет час – и я поверю в чудо!

Когда она говорит, что готова на предательство ради одного «звенящего стиха», что «сама себе лгала», то ложь эту надо понимать не напрямую, а как ложь жизни против правды художественного вымысла, как верность своему творческому

пути – в ущерб пути тварного, бесталанного (вспомните у Марины Цветаевой: «Никто, в моих письмах роясь, / Не понял до глубины: / Как мы вероломны – то есть / Сами себе верны»).

Она переживала вечную муку поэтов – невозможность в слове выразить всю полноту чувств и мыслей («Мысль изреченная есть ложь»), когда «Вереницею послушной / Бегут бессильные слова», когда правда переживаний ускользает оставаясь «В самых нежных, самых совершенных, / Нами не написанных стихах». Она признавалась: «Я не могу найти такое слово, / Чтоб передать безумие мечты». И тогда появлялись жестокие в своей прямоте строки: «Я пишу не стихи, а стишки, / Равнодушно-бездарно-пустые», «Вместо подлинной муки – простая тетрадь, / Сочинённые разумом строфы», «Я слишком много разбросала слов, / Которые раз в жизни говорятся», «Жизнь оказалась тетрадкой простою, / Только тетрадкой стихов», «Стихи? Всё равно их никто не читает, / И в них я одна...».

В такие минуты беспощадного суда над собой её не убеждали ни успехи в печати, ни восторженные отклики читателей, ни благосклонность известных в эмиграции критиков и поэтов. И всё же помилование было! Всё же, в конце концов, она снова возвращалась к перу и «простой тетрадке», к томикам любимых поэтов – на свою духовную родину:

Но устав от последней тревоги,
Подойдя к последней черте, –
Снова чтение стихов о Боге,
О бессмертье, о красоте.

Обо всём этом она и писала. Внешне однообразная, скучная эмигрантская жизнь, где были нищета, постоянное унижение, серость будней, тяжёлая болезнь, жизнь эта в то же время духовно была насыщена и богата яркими эмоциями, томлением по идеалу, благородством чувств, христианским смирением, бесконечным терпением, когда и страдания принимаются, как дар Божий. Всё это и диктовало правдивые строки, и рождало «Золотые миры». И ещё – она помнила всегда о тех, кому хуже, чем ей, кто нуждается в духовной поддержке, и это подвигало её всё же печатать свои стихи. В трансе вдохновения, созерцая нерукотворный свет, слышала она голос свыше:

Береги нетронутые силы,
Для других, бессильных – береги!
.....
Нищему над самой страшной бездной
Дай последний нищенский костыль...

И когда она говорила, что мало молится, мало верит Богу, то объясняла это так: мало любит, мало хорошего сделала для других, мало принесла радости. Это мучило её всегда. Она просила судьбу дать ей ещё хоть немного жизни и сил, чтобы искупить вину за малолюбие, а потом она согласна на полное забвение. И предсмертные её слова – о любви: «В смертной боли, ломая суставы, / Обезумевши, крикну – люблю!»

Ирина Николаевна Кнорринг родилась 21 апреля (4 мая) 1906 года в селе Елшанке Самарской губернии, в родовом поместье своего отца, Николая Николаевича Кнорринга, историка, литератора, музыкального критика, получившего блестящее образование на историко-филологическом факультете Московского университета, где в то время преподавали светила российской науки. В предреволюционные годы он был директором гимназии в Харькове. Мать Ирины, Мария Владимировна Кнорринг (Щепетильникова), работала учительницей в Елшанке, окончив Высшие женские курсы в Москве. Она дочь статского советника, племянница легендарного генерала Скобелева.

Жили большим дружным домом – вместе с сёстрами Марии Владимировны и семьёй брата Николая Николаевича, Бориса Кнорринга. Разъезжались кто куда, но летом непременно снова собирались все вместе, в Елшанке. Катались на лодке по озеру, бегали по лугам, с высокого берега любовались на разлив Волги, вспоминали семейные предания или слушали печально-раздольные песни, которые пелись на деревне. Такой и осталась Россия в памяти Ирины Кнорринг, запечатлённая потом в сказочных иллюстрациях – чудесной красоты – художника Билибина, с которым Ирина Николаевна могла встречаться в Париже.

Сошла с Билибинских картин
Полузабытая Россия...

Умерла Ирина Кнорринг 23 января 1943 года в оккупированном гитлеровцами Париже и похоронена была на кладбище Иври (позже её перезахоронили в семейной усыпальнице Бек-Софиевых, её родственников по мужу, на Сент-Женевьев-де-Буа).

В «Книге о моей дочери» Н.Н.Кнорринг пишет, что извещение о её кончине можно было опубликовать только в единственной, выходящей тогда в городе русской газете «Парижский вестник», сотрудничавшей с фашистами, но близкие покойной на это не пошли, и потому, без извещения, на похороны собралось совсем немного народа. Среди присутствующих на отпевании в церкви была Мать Мария (Е.Кузьмина-Караваева). Сын Ирины Кнорринг, Игорь, помнил её. Как она положила большую, жёсткую руку на его голову – приласкала. Было холодно, промозгло, неприятно. Все торопились поскорее в тепло.

Девочкой Ирину Кнорринг увезли поздней осенью 1920 года из Севастополя, в который вот-вот должны были войти форсировавшие Перекоп красные войска. К трагическим событиям тех лет она не раз возвращалась в своём дневнике, который вела на протяжении всей своей жизни.

Дневник этот – в двух томах, названный ею «Повесть из собственной жизни», – вышел в Москве в издательстве «Аграф» в 2009 г. при содействии Ирины Михайловны Невзоровой, исследователя творчества и судьбы семьи Кноррингов. Осталась неизданной другая документальная повесть Ирины Кнорринг – «Двадцатый год», где запечатлено начало гражданской войны, бегенство на юг, в Крым, жизнь, полная неизвестности, близкое дыхание смерти, первые трагические потери (многие страницы повести перекликаются с прозаическим дневником, а также с «Балладой о двадцатом годе»). Небольшую эту повесть, написанную в Париже, И.Кнорринг посвятила свое-

му сыну Игорю, названному в честь двоюродного брата Ирины Николаевны, Игоря Кнорринга, погибшего во время гражданской войны. Он приехал в родную деревню Елшанку, тоскуя по ней. Увидел разорённый барский дом, сожжённые постройки, озлобленные лица односельчан. Кто-то из них и выдал Игоря Кнорринга чекистам. Игорь был расстрелян. Его отец, один из основателей заповедника «Аскания-Нова», Борис Николаевич Кнорринг умер в одном из лагерей Казахстана. Когда он оказался в руках ЧК, его семья спешно бежала в Омск, под крыло Колчака, вскоре разбитого красными войсками. Беженцы пережили долгие скитания по глухим деревням, голод, нужду, унижения, постоянный страх гибели, пытаясь выжить при новой власти.

Подобная участь ждала бы и семью Ирины Кнорринг, если бы она осталась в России. Но Ирина до конца жизни не могла смириться со своим беженством, которое считала предательством:

И только я среди пламенных людей,
Не возражая, не кляня, не споря, –
Твержу о несмываемом стыде
И о неискупляемом позоре.

Чувство вины и тоска по родине становятся одними из главных мотивов её стихов, написанных в Тунисе, где нашла приют русская эскадра и где в эвакуированном Морском корпусе служил отец Ирины. Ирина была единственной девочкой, которая училась вместе с гардемаринами, поскольку ей было больше негде продолжить среднее образование. Не покидала эта тоска и в Париже.

В книге «Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы» (Нью-Йорк, 1956) Глеб Струве следующим образом характеризует творчество Ирины Кнорринг:

«Поэзия её, очень личная, – едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе. Через неё проходит тема тяжёлой эмигрантской доли (с 1928 г. – жены и матери), безысходной усталости и неприкаянности. Тема эта трактуется без всякой позы, без всяких формальных поисков».

Не только тоска по России томила её, но и мечта вернуться на Родину – пусть не прощённой, пусть жалкой нищенкой, но – к родному порогу:

Я верю в Россию. Пройдут года,
Быть может, совсем немного,
И я, озираясь, вернусь туда
Далёкой ночной дорогой...

Или в другом стихотворении:

И больно вспоминая марш победный,
Я поклонюсь вчерашнему врагу,
И если он мне бросит грош медный,
Я этот грош до гроба сберегу.

Так писала она в свои неполные восемнадцать лет...

В середине двадцатых годов Николай Николаевич Кнорринг с женой и дочерью перебирается в Париж, где Ирина учится в организованном П.Н.Милюковым «Франко-Русском институте социальных и политических знаний».

Нелегко жилось семье в эмиграции. Приходилось перебиваться случайными заработками (некоторое время девушка с матерью работали в кукольной мастерской).

Отец Ирины читал лекции среди русских эмигрантов, расселившихся по небольшим городкам Франции, потом стал сотрудником Тургеневской библиотеки в Париже, писал заметки в эмигрантские газеты, играл на скрипке в самодеятельном оркестре, созданном выходцами из России, писал книги. Историк по образованию, он автор исторических этюдов о генерале Скобелеве, им написана книга «Сфаят», и позднее, уже в Алма-Ате – «Книга о моей дочери».

Будущий муж Ирины Николаевны, поэт Юрий Борисович Бек-Софиев, потомственный военный, участник многих походов Белой армии, мыл окна больших магазинов в Париже. Работа была опасная, иногда кто-нибудь срывался с большой высоты, калечился. И когда, вернувшись на родину, Юрий Борисович стал работать научным иллюстратором (он был неплохим художником) в Институте зоологии Академии наук Каз.ССР, то посчитал это настоящим счастьем и наконец-то достойным применением своих сил. Но известный поэт в эмиграции, издавший там книгу «Годы и камни» (Париж, 1936), на родине он при жизни не напечатал ни одной книги: родина его приняла, но по-прежнему опасалась его прошлого, по-прежнему числила врагом. И только через тридцать лет после его смерти вышли поэтические сборники «Парус» (Алматы, 2003) и «Синий дым» (Алматы, 2013), а также дневник «Вечный юноша» (Алматы, 2012).

Николай Николаевич Кнорринг в Алма-Ате некоторое время работал в библиотеке Академии наук, а сын Ирины Кнорринг, Игорь Софиев, переводчиком (он знал французский и английский). Во Франции же Игорь трудился на заводе простым рабочим, вставая в пять утра и зарабатывая гроши.

«Приобщение Ирины Кнорринг к профессиональному творчеству определили её эпизодические контакты с К.Бальмонтом, Б.Зайцевым, М.Цветаевой, Н.Тэффи, Г.Ивановым и совсем молодыми русскими поэтами-эмигрантами, среди которых был и её будущий муж Юрий Борисович Бек-Софиев (умер в Алма-Ате в 1975 г.). Посещала она и собрания кружка «Зелёная лампа» у З.Гиппиус и Д.Мережковского. Однако сколько-нибудь заметной активности в политической и литературно-общественной деятельности эмиграции Ирина Кнорринг не проявляла, и кроме лирических стихов ничего не печатала. Кажется, лишь однажды, как писала И.В.Одоевцева, «Ирина Николаевна взяла на себя труд по редактированию» одной из её книг.

В 1927 году Ирина Кнорринг вышла замуж. Родился сын. Семейные проблемы в жизни и творчестве стали занимать всё больше места. В стихах молодой поэтессы находит отражение скромный и трудный быт русских парижан, тех, кто встаёт «в шестом часу утра», кто думает о простых и важных вещах – хлебе и работе. Она пишет о маленьком сыне, о его будущем, которое в чужой стране представляется туманным и проблематичным («Кто ты? Русский? Француз? Апатрид?»).

о тихих домашних радостях, о своей болезни (диабет), которая была мучительной и неизлечимой...» (А.Жовтис, «Жизнь и судьба Ирины Кнорринг», предисловие к книге «Ирина Кнорринг. Новые стихи. Жазушы, 1967, Алма-Ата»).

В эмиграции Ирина Кнорринг заболела тяжёлой формой диабета, подолгу лежала в больнице. Ей нельзя было рожать детей – это было смертельно опасно. Ей вообще было отпущено немного жизни, и муж Ирины Николаевны, поэт Юрий Бек-Софиев, знал об этом, когда женился на ней, что в семье Кноррингов расценили как благородство и своего рода подвиг. Но сам Юрий Борисович так не считал, потому что главным в своём порыве называл любовь и только любовь. Любовь эту он пронёс через всю жизнь, так больше и не создав новой семьи после смерти жены. Сбылось её предсказание давних лет: «Всё равно ты не сможешь меня разлюбить, / Никогда не полюбишь другую...».

Несмотря на все запреты, Ирина Николаевна всё же решила стать матерью. Почти всю беременность провела она в клинике под наблюдением крупного в то время специалиста, профессора Ляббе, который поддерживал её в решимости выносить ребёнка. И вот 19 апреля 1929 года она родила сына Игоря, которого тут же назвали «чудом доктора Ляббе» – это был третий в мире младенец, родившийся от диабетички (он прожил 76 лет, умер в феврале 2005 г. в Алма-Ате). Игорь не раз вспоминал, что когда они с матерью проходили мимо здания родильного дома, она всегда говорила: «Это дом счастья!» Сын продлил ей жизнь, наполнил её смыслом. И одно из последних её стихотворений – сыну. Это – «Колыбельная, которую я тебе пела», написанная примерно в апреле 1942 года. Им кончается шестая тетрадь.

Баю, баюшки-баю...
 Как в далёком краю,
 От весёлой земли
 Уплывают корабли...

Они плывут туда, где рай небесный: «круглый год весна», «нет врага» и всюду «красота, тишина». И всё бы хорошо, если бы капитану не снился сон про покинутую далёкую страну:

Про большой тенистый сад,
 Где берёзы шелестят,
 Про родимый отчий дом
 С расписным потолком,
 Про любимого отца
 У высокого крыльца,
 Про покинутую мать
 (Горько мне вспоминать),
 И про то, что он туда
 Не вернётся никогда...

Это был сон-наваждение русских эмигрантов, отторгнутых от родины. Это был и последний сон Ирины Кнорринг.

В книгах своих «она вспоминает о бегстве из Крыма, об отрочестве, проведённом в лагере эмигрантов в Бизерте, там, где донныне видятся ей «пересветы арабских костров», и – ещё, ещё! – о золотых кувшинках и голубой полыни родной недоступной земли, – пишет автор «Жизни и судьбы...». – Тема тяжёлой болезни и неминуемой близкой смерти, как справедливо замечает в своей рукописи «Книга о моей дочери» Николай Николаевич, «замыкала образы её поэтических переживаний в узкие рамки личной жизни, очень бедной внешними впечатлениями». Думаю, что именно это обстоятельство ограничило творческий диапазон Ирины Кнорринг. Можно только удивляться тому, что именно в последние годы, в промежутках между долговременными периодами пребывания в больнице, в больничной палате создаёт она самые яркие свои стихи, такие, как «Я человек второго сорта...», «Уверенный, твёрдый, железный...», или «Темнота. Не светят фонари...», произведения, которые становятся в ряд с лучшими образцами русской лирики первой половины XX столетия.

Лишённое броских примет версификаторского модернизма (разве что неточная рифма «в стиле» поэзии 20-х годов) творчество Ирины Кнорринг развивалось в русле классической русской поэзии. Из современников ей ближе всех Ахматова да ещё, пожалуй, Бунин – с ясностью и завершёностью его лирических композиций, с безусловностью его реалистической, художественной детали. Известную роль в становлении таланта поэтессы сыграла Марина Цветаева, которая правила некоторые её стихи...» – замечает автор «Жизни и судьбы».

Должна сказать, «правка» эта не всегда нравилась Ирине, часто раздражала, и она в дневнике своём спорила с Цветаевой, что и понятно – слишком уж они были непохожи ни в творчестве, ни в житейском поведении, хотя в стихах нередко и перекликались, что неизбежно – они были современниками, жили рядом. Сын Ирины Николаевны вспоминает, как, прогуливаясь с родителями по Медонскому лесу, встречали Марину Цветаеву. Он запомнил её густую чёлку и холодные глаза.

«Годы второй мировой войны и гитлеровского нашествия – сначала на Польшу и Францию, а затем и на Советский Союз – дали новый стимул поэзии Ирины Кнорринг (мысль о возможном бегстве в Америку пришлось оставить). Тяжелобольная, она с напряженным вниманием следит за ходом событий. Всею душой она с теми молодыми выходцами из России, которые присоединились к французским подпольщикам, с теми, чьё неприятие фашизма было ознаменовано уже после смерти И.Кнорринг подвигом Матери Марии...» («Жизнь и судьба Ирины Кнорринг»).

Ирина Кнорринг записались на курсы сестёр милосердия, и даже воодушевилась, надеясь, что наконец-то станет и она полезной хоть чем-то. Отец её, Николай Николаевич Кнорринг, вместе с другими сотрудниками Тургеневской библиотеки спасал книги, в том числе несколько чемоданов рукописей И.Бунина, жившего тогда в Грассе, помогал ему в этом внук-подросток. Вывозили ночью, на такси. Русский таксист отказался брать деньги: «Я тоже хочу помочь!» Но спрятать удалось не всё. Вскоре библиотечные фонды, которые десятилетиями, по крупицам, собирались русскими эмигрантами, были изъяты немецкими оккупантами и вывезены в неизвестном направлении. После войны книги со штампами Тургеневской библиотеки находили в разных странах Европы.

Муж Ирины Кнорринг Юрий Бек-Софиев тоже вёл свою войну с фашистами – он прятал у себя, а потом переправлял в безопасную зону евреев и бежавших из плена советских граждан. Дружил с одним из организаторов французского Сопротивления, поэтом и учёным Борисом Вильде. Вильде даже посылал больной Ирине Николаевне продукты – в оккупированном Париже жилось голодно. Вскоре Борис Вильде был расстрелян фашистами, а Юрий Бек-Софиев угнан в Германию на принудительные работы на химическом заводе, где продолжал вести антигитлеровскую пропаганду за что мог поплатиться жизнью. Вернулся в Париж только в 1945 году.

В 1941 году, находясь в больнице, на краю собственной смерти, Ирина Кнорринг не о себе жалела: она писала о минутах гибели героев, восставших против фашизма, когда,

...устав от смутных дел,
Город спит, как зверь насторожённый,
А в тюрьме выводят на расстрел
Самых лучших и не примирённых.

Она никак больше не могла участвовать в противостоянии войне, кроме стихотворных строк. Многие её стихи того времени полны гнева, она ненавидит войну. И тем пронзительнее звучит её стихотворение, удивительное в ряду её антивоенных сочинений: «Уверенный, твёрдый, железный...» – о «немецком мечтательном мальчишке», который «гуляет по карте земли», «неся разоренье и голод». Она пишет о нём не с ненавистью и проклятиями, а с состраданием:

Зачем ему гибнуть и драться
Среди разрушений и бед,
Когда за плечами лишь двадцать
Восторгом обманутых лет?
Неужто такая отрада –
Недолгих побед торжество?
Ведь запах смолы из Шварцвальда
Уже не коснётся его...

Она наблюдает, как он с детским любопытством рассматривает витрины парижских магазинов, как радуется его каждый пустяк. Он полон жизни! И он, несущий гибель неповинным людям, сам погибнет, не успев понять: зачем? И она жалеет его:

И над безымянной могилой
Уже не поплачет никто:
Далёкий, обманутый, милый...
За что?..

Это – «милый», это – «за что?» возмутило литератора-эмигранта, участника Белого движения Владимира Сосинского (настоящее имя Бронислав Рейнгольд Владимир Сосинский-Семихат), который воевал против таких «милых мальчишков». С началом второй мировой войны он пошёл добровольцем во француз-

скую армию, попал в плен, бежал, в 1943 г. примкнул к Сопротивлению. Но и Вл. Сосинский, в конце концов, понял стихотворение Ирины Кнорринг: Ирина поглядела на немецкого солдата глазами матери:

«И сидит же во мне с 1933 г. нелюбовь к немецкому солдату, – пишет В. Сосинский в письме Юрию Софиеву 12 ноября 1967 г., получив тоненькую книжку И. Кнорринг, вышедшую на родине, и прочитав стихи «Уверенный, твёрдый, железный...». – И вот никак – даже в 1967 г. – не могу пожалеть «далёкого, обманутого, милого... за что?» Вот что значит – женское сердце – материнское!»

У Ирины Николаевны тоже сын, как и у безымянной немецкой матери. В 1941 г. ему 12 лет. Его чуть не убил немецкий танк. Танк стрелял по людям на парижских тротуарах.

Война научила Ирину Кнорринг не только быть «проще и жёстче», но и – милосерднее. Война выявила настоящую высоту души, которая простиралась над враждой, над местью – над миром низменных страстей. Высота эта была освещена христианской любовью:

Нам так понятна и близка печаль
Тех, кто сменил весёлые наряды
На траурную чёрную вуаль...

«В то же время, – пишет автор «Жизни судьбы», – для Ирины Кнорринг, как для всей её семьи, было абсолютно невозможно какое бы то ни было сотрудничество с дьявольской гитлеровской системой. Даже во имя борьбы против Сталина. В «Книге о моей дочери» Н. Н. Кнорринг с осуждением вспоминает о немногочисленной группе русских литераторов-«пораженцев», вступившей в такой альянс...»

А. А. Ахматова, ознакомившись с шестью толстыми машинописными тетрадями, которые в середине 50-х годов привёз из-за рубежа репатриированный в Советский Союз Николай Николаевич Кнорринг, писала о стихах до того неизвестной ей поэтессы:

«По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно на Западе. Для неё судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далёкой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие, честные стихи».

И среди них было это («О России»), написанное в Эрувиле в 1933 году – страшном году миллионов безвинных жертв коллективизации в СССР. Стихотворение, беспощадное к себе и близким, особенно такие строки:

Зачем меня девочкой глупой
От страшной родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?!

«Этот упрёк дочери до сих пор отдаётся болью в моём сердце, – вспоминал в «Книге о моей дочери» Николай Николаевич Кнорринг. – Но что было бы со мной,

с семьёй, если бы я, член кадетской партии, дворянин и действительный статский советник, остался в Советской России? Без сомнения, погиб бы, как погиб в сталинских застенках мой старший брат... И какова была бы судьба самой Ирины?»

С глубоким волнением рассказывал он о том, что последним желанием, последней надеждой и завещанием его покойной дочери были слова: «Напечатай мои стихи на Родине».

И отец выполнил просьбу дочери. В середине 60-х годов был составлен не большой сборник её стихов, а Дементий Алексеевич Шмаринов (известный художник, двоюродный брат Ирины Кнорринг) в доме художника Ореста Верейского вручил рукопись А.Твардовскому (редактору журнала «Новый мир»). Александр Трифонович прочитал её сразу же, «не отрываясь и не поднимая головы». Но ... помочь в издании в то время не смог: «белоэмигрантов» у нас не издавали. Рукопись вернулась к Н.Н.Кноррингу. Но всё же она вышла книгой в 1967 году в Алма-Ате.

«История её издания, – пишет автор «Жизни и судьбы», – может служить иллюстрацией того, как удавалось всё же преодолевать препоны цензуры и «руководящих указаний» – благодаря тому, что конкретные люди в конкретной ситуации осмеливались идти против течения.

В то время в казахстанском издательстве «Жазушы» («Писатель») была задумана серия книжек начинающих авторов под общим заглавием «Новые стихи». В издательском плане фамилии поэтов не указывались, и редактор серии Зоя Васильевна Попова решилась «подбросить» сборник Ирины Кнорринг в этот молодёжный «набор».

Задуманное предприятие отличалось несомненной дерзостью для начала «эпохи застоя». Сигнальный экземпляр книжки был уже готов, когда обман во спасение обнаружился. Главный редактор «Жазушы» Аманжол Шамкенов вызвал к себе Попову.

– Как вы осмелились на такое?! Вы понимаете, что вы сделали? – спросил он.

– Аманжол, – ответила Зоя Васильевна, – ведь вы поэт. Ведь вы же понимаете, какие это стихи!

И она произнесла пламенный монолог в защиту поэзии, русских эмигрантов 20-х годов, старика Кнорринга, который в свои 86 лет ждёт не дожждётся выхода этой книжки, и наконец в защиту здравого смысла.

Шамкенов долго думал. А потом сказал:

– Ну, что ж! Пусть меня выгонят вместе с вами...

И подписал сигнальный экземпляр «в свет»!

Книжку я послал Твардовскому – и он тотчас же опубликовал отклик на неё в своём журнале.

Но и спустя десять лет, когда очередную попытку напечатать стихи Ирины Кнорринг сделал Борис Слуцкий, тогда один из соредкторов альманаха «День поэзии», ему это не удалось.

И только новое время сделало возможным то, что казалось невозможным ещё совсем недавно: стихи русского поэта возвращаются к русскому читателю».

Два небольших сборника были подготовлены и опубликованы самой поэтессой («Стихи о себе», Париж, 1931, и «Окна на север», Париж, 1939). Сборник «После всего», содержащий стихотворения разных лет, составленный Н.Н.Кноррингом

и с его предисловием, вышел также во Франции, в 1949 году. Общий тираж всех трёх книжек не превышал 750 экземпляров. Даже для эмиграции это мизер!

О парижском издании книги «После всего» весьма лестно отозвался поэт Георгий Иванов – он точнее других угадал суть творческого характера Ирины Кнорринг и сделал пророческое предсказание о её стихах:

«Покойная Ирина Кнорринг всегда, в последние годы жизни особенно, стояла в стороне от пресловутого «Монпарнаса», не поддерживала литературных связей одним словом, не делала всего необходимого для того, чтобы печатали, упоминали в печати. Поэтому даже её последняя книга почти никем не была отмечена с вниманием и сочувствием, которые она заслуживает... Кнорринг была не очень сильным, но настоящим поэтом. Её скромная гордость и требовательная строгость к себе, мало кем оцененные, будут, я думаю, так же со временем вознаграждены. У скромной книжки Кнорринг есть шансы пережить многие, более «блестящие» книги её современников. И возможно, что, когда иные из них будут давно «заслуженно» забыты, – бледноватая прелесть стихов покойной И.Кнорринг будет всё так же дышать тихой, не яркой, но неподдельной благоуханной поэзией».

В казахстанском издании книги 1993 г. «После всего», осуществлённом стараниями её внука Алексея Вышневого и на его средства, представлено небольшое количество стихов Ирины Кнорринг. Их – 137. И вот теперь появилась возможность напечатать полностью все шесть рукописных книг Ирины Кнорринг, собранных её отцом (за исключением совсем ранних, сочинённых в 8 лет, и некоторых вариантных). Вышел большой том её стихотворений «Золотые миры», который завершает «Книга о моей дочери» Н.Н.Кнорринга.

Уже в стихах, написанных в детстве, виден её талант, хотя стихи и не всегда совершенны, порою корявы и наивны, что и понятно: это ведь только первые шаги в поэзии, но и в них уже звучит та нота печали, жажда идеала, духовной чистоты, которая проходит через всё творчество поэтессы. И можно было бы говорить о поразительной прозорливости, о мистическом видении грядущих трагедий, если бы речь не шла о ребёнке 9-11-ти лет:

О печаль! Ты опять навестила меня,
И тебя я узнала опять!

.....
Наклонилась ко мне, говоришь и поёшь
Всё печальные песни одни.
Но зачем же, печаль, ты тревожишь меня
В мои ясные детские дни?

Или это, написанное в 12 лет («Мне долина приснилася вдруг...»):

Мне приснилася чёрная даль,
Там повсюду летала печаль,
Травы сохли под небом грозы,
Не видать благодатной росы.

Буря рвала с деревьев листья,
Ветер злой разгонял все мечты.
Всё удушено было тоской,
Всё окроплено было слезой...

А за два года до исхода русских беженцев в Африку она видит, и снова во сне, а точнее в грёзах наяву, сидя на окне и созерцая ночную улицу, освещённую фонарём, такую картину:

И снится мне даль, безызвестная даль.
Там море красою своею блистает,
Меня греет солнце и нежно ласкает,
Но тайно на душу ложится печаль,
И море, и пальмы, и всё исчезает.
И снится мне снова... Широкое поле,
И я, одинокая, в поле стою.
Кругом тишь, безлюдье. Одна я на поле,
Одну, как безумная, песню пою...

Она то и дело проговаривается в стихах о своих «странных видениях»: «Я правду смешала со снами», «Меня смущали чувства неземные», «Всё земное к небу просится, / За священную мечту», «И мысль моя над солнцем пронеслась» и т.д. Есть даже целое стихотворение, которое называется «Видения будущего». В холодной теплушке, где беженцы ехали в неизвестность, ноябрьским вечером 1919 года она, тринадцатилетняя девочка, отмечает: «Впервые лет грядущих гений / Явился в сумрачном углу». Это – её Чёрный Человек, призрак её запредельных видений. Кто знает, может быть, именно он показал ей далёкий апокалипсис, когда Земля:

... Как тяжёлый, тёмный слиток –
Чертя уклонную черту,
Сорвётся со своей орбиты
В бесформенную пустоту.

А пока – тяготеет над ней апокалипсис гражданской войны: «Уж сердце вещее сжималось / Предчувствием ужасных дней», «Я вижу весь мой жребий чёрный, / Тоске бесслёзной обречённый», «И предчувствие близкой трагедии / Как проклятье над нами висит».

В точности описала она в стихах и последние минуты своей земной жизни, и то, что будет после неё – «после всего». Но жизнь – вечна. И видит Ирина себя во многих временах: «Я в прошлой жизни на земле была / Мечтательницей нежной...», была не однажды, и снова – будет. Она в этом уверена. Однако, отмеченная поэтическим даром, и значит, посланница Неба, которая видит «нетленный свет» («Кто-то жизнь мою горько возвысил»), она всегда и везде – чужая («И снова я чужая, / Как будто здесь не у себя, не дома...»), всегда – одинока, потому что «Всё о том же, о вечном томлюсь по ночам...». И заключает: «Лишь философ, дитя и поэт / Видят этот нетленный свет».

При издании любого литературного наследия всегда есть некоторая неловкость: а хотел бы сам автор видеть это напечатанным? Всё ли предназначалось для чужих глаз? Может быть, и Кнорринг не всё захотела бы издать, но среди её ежедневных стихотворных записей немало настоящих жемчужин, или таких откровений, которые приоткрывают тайны её души – трепетной и нежной, подвигают к покаянию. Кроме того, даже в не самых лучших образцах есть ценная информация очевидца трагических событий первой половины XX века, драмы народа, расколотаго гражданской войной, когда Ирина с горечью говорит матери: «Ты видела создание идеалов, / А мне досталось лишь крушение их...».

И мы, перешедшие из XX века в век XXI, тоже наблюдали (и продолжаем наблюдать!) и крушение идеалов, и безумие гражданских войн, и кровавый передел мира, потому многие строки Ирины Кнорринг созвучны нашим нынешним переживаниям, будят совесть, низвергают зло. И мы одержимы той же мечтой, что и она: «И хочется мира на тревожной земле», и мы ежедневной молитвой, повторяем те же слова, что и она в далёкие двадцатые годы: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, / Помилуй нас!»

Её принято считать камерным поэтом, который пишет в основном только о себе, о своих чувствах, и потому диапазон её творчества слишком узок, – так и отец её считал, и многие эмигрантские критики. Но это не совсем так, ведь она остро чувствовала – до сердечной боли – своё время, она сказала о своём времени правдивые, честные слова. Она, может быть, одна из немногих, кто время своё сформулировал в поэтическом Слове – и это теперь, по прошествии XX века, хорошо видно:

Наш век сухой. Наш век – пора молчанья.
Разорваны Гарольдовы плащи.
Нет патетического восклицанья,
И женственность не трогает мужчин.

Наш век такой, что судорогами пальцев
Измято всё, сплетённое мечтой.
И хочется невесело смеяться
Над Богом, над любовью, над собой.

Над нами тяготят тысячелетья,
Мы – искуплённые за их вину...
Наш век такой, что после даже дети
Не будут никогда играть в войну.

Она неоднократно повторяет: «Видела я лишь одни поражения, / И никогда – побед...». Но среди этих поражений стихи её стали поддержкой для многих обездоленных, павших духом, сломленных. Страдая и сторяя бесцельно, как и они, на краю смерти, она находила в себе силы на сопротивление, на любовь, на благодарность Богу за каждое, подаренное Им мгновение жизни, которое прекрасно, несмотря ни на что, даже в грусти. И она воспела бесконечную грусть жизни:

Нет ничего совершенней,
Чем тихая грусть на земле...

Некоторые стихи из «шести тетрадей» печатались в эмигрантских изданиях при жизни поэтессы, почти везде, где жили русские, – от Парижа до Шанхая и Нью-Йорка. И в настоящее время публиковались в разных журналах и сборниках – в Казахстане, в России, за рубежом. Вот совсем недавние публикации: в 2012 г. в издательстве «Кругъ» в Москве вышла небольшая, изящно изданная книжка И.Кнорринг «О чём поют воды Салгира» (Беженский дневник. Стихи о России) – крымский период. Там же, в Москве, в издательстве «Вече» – 2011 г., в объёмной антологии «Молитвы русских поэтов. XX – XXI век» представлены духовные стихи И.Кнорринг и выдержки из её дневника. И я уже упоминала двухтомник «Повесть из собственной жизни», изданный в Москве, в издательстве «Аграф» (2009-2013), в Алматы в 2014 г. – «Золотые миры».

Творчество её не забыто. Имя Ирины Кнорринг и её стихи появляются в разных сборниках, статьях, научных работах. Часть наследия сберегается главным хранилищем культурных ценностей России – РГАЛИ. На родине поэтессы, в деревне Елшанка под Самарой силами местных энтузиастов и учителей школы устраиваются конференции, литературные чтения в память своей землячки. Задуман музей семьи Кноррингов. На месте Никольской церкви, разрушенной в годы революции, планируют установить Поклонный Крест. В Никольской церкви крестили Ирину Кнорринг, на погосте покоились её предки. А чудесная природа этого края осталась неприкосновенной, воспетая в её стихах и дневниковых записях: «Мой воздушный замок – семейный очаг, ключ от замка – Елшанка».

Как восстанавливаются разрушенные храмы, так же нынче нуждается в восстановлении человеческая Душа, которую Ирина Кнорринг считала «храмом нежности и чистоты», «большой тайной», и я надеюсь, что стихи её помогут в этом.

Ирина Кнорринг давно уже стала частью великой русской культуры. Она – своими стихами и прозой – вернулась на родину, как всегда мечтала, как писала в своей «заветной тетради»:

Каждый том стихов – только новый ключ
От высоких дверей,
От глухих замков, от вечерних туч,
От души моей...
Каждый стон души – только новый дар,
Лучший дар земле...

